

К 120-летию Эдуарда Багрицкого

Ростислав Александров (Александр Розенбойм)

Беседы с Николаем Харджиевым

Звезда в честь Эдуарда Багрицкого.
Открыта в 2015 году на Ланжероновской

У Александра Розенбойма в одесской литературной плеяде 20-х годов XX века было много любимых героев. Бабель, Катаев, Олеша, Паустовский. Но одной из самых трепетных, прошедших сквозь всю его жизнь в литературе, оставалась юношеская привязанность к Эдуарду Багрицкому.

Не перечислить людей «из того времени», с кем общался Розенбойм в поисках новых сведений о Багрицком. Это и все три сестры Суок, и Валентин Катаев, и Филипп Гопп,

и красноармейцы отряда, в который был зачислен Багрицкий. Сотрудникам Одесского литературного музея предстоит огромная и кропотливая работа, когда они будут разбирать архив Розенбойма, посвященный Багрицкому.

Мне же захотелось подготовить к печати два документа – письмо Н.И. Харджиева в Одессу из Москвы, написанное 25 июня 1978 года, и запись двух вечерних бесед, которые Александр Розенбойм, вернувшись в гостиницу, сделал, по сути, набело.

Представлять Николая Ивановича Харджиева современному читателю нет особой нужды. Крупнейший знаток русского авангарда, публикатор раннего Маяковского, друг и коллекционер Казимира Малевича... Но при этом нельзя забывать, что юного корректора газеты «Моряк» ввел в литературу Эдуард Багрицкий.

Е. Г.

Уважаемый Александр Юльевич, беседу нашу помню. Но вряд ли я могу чем-нибудь быть Вам полезен. Я жил в Одессе временно и уехал оттуда 50 лет тому назад. Писать мемуары не собираюсь.

Ряд писем Багрицкого ко мне исчезли во время войны (вернее: мне их не вернули). Некоторые из них, которые предполагалось включить в последний том собрания сочинений Багрицкого, сохранились в его архиве (машинопись) и были опубликованы в «Лит. наследстве».

У меня случайно уцелел единственный автограф – дарственная надпись на сборнике «Юго-Запад». Если Вы «фотографист», то, приехав в Москву, сделаете снимок.

Всего Вам dobroго!

Н. Х.

Багрицкий всегда нежно говорил о Фиолетовее, Борю Скуратова называл «малютка Скуратов».

Харджиев познакомился с Эдуардом Багрицким в Одессе, в году 21-22, или даже позже, так как тот жил тогда на Дальницкой. Познакомились на каком-то вечере, потом до утра ходили по улицам, читали стихи. Багрицкий сначала звал к себе ночевать, но мы продолжали читать и так до утра. Я провожал его на Дальницкую, но раньше утра он домой не попал.

Когда жил у меня в Одессе, чувствовал себя плохо. Больше сидел, по своему обыкновению на тахте, чуть ли не наизусть читал бабелевский «Закат» (проверить дату написания «Заката»... (А. Р. проверил – рассказ «Закат» написан в 1924 г. Совпадает. – Е. Г.)).

В проезде Художественного театра я жил как раз под его комнатой. Иногда, когда Лиды не было, а одиночество становилось невыносимым, он стучал мне ногой в пол, чтобы я пришел. Чувствовал он себя плохо. (Использовать воспоминания Сторицына о том, как Багрицкий забрал его в Москву из Ленинграда.)

Над Таней Тэсс всегда подшучивал и был одержим манией выдать ее замуж.

Посмотреть газету «Жизнь искусства» (статьи об Эйхенбауме, ОПОЯЗ) – там какие-то материалы Сторицын печатал.

Ал. Абр. Кипен. Блестящий знаток и дегустатор вин. И этим, особенно во время нэпа, здорово зарабатывал, был в достатке. Однажды Эдуард написал ему записку о том, что Лида будто бы очень больна и нужны деньги. Послал меня, сказал, что ему неудобно. Пошел и вынес 3 рубля. Эдуард ругался страшно – старый скупердяй, скряга. Он мне не верит, что Лида больна, поэтому дал мало, а он должен мне верить.

Однажды приехал из Москвы Катаев, уже печатающийся, уже почти мэтр, во всяком случае, при деньгах. И целую неделю кутили с Багрицким и Катаевым. Это была дикая неделя, но после нее Катаев, кажется, занимал деньги на возвращение в Москву. Гуляли тогда во внутреннем двореке Лондонской гостиницы, потом ехали с Эдуардом домой, на извозчике. На Дерибасовской выпивший Эдуард громко и крепко материл публику по одному ему известному поводу.

Нам, очень бедным тогда, Катаев представлялся Крезом.

Насколько я знаю, Багрицкий с родственниками общался мало. Когда он был в Одессе и останавливался у меня (1928?), он даже к матери не зашел (об этом есть в письмах). Уже после отъезда Эдуарда его мать приходила ко мне, очень сердилась.

Петр Ильич называл свою фамилию (вернее, псевдоним, убежден, что это псевдоним) с ударением на «и» – Сторицын. Багрицкий говорил мне, как он писал за Сторицына стихи, которые публиковались в одесских альманахах, причем писал, как он мне говорил, за плату. Писать Петр Ильич не умел, но рассказчиком был феноменальным, удивительным. Однажды в Ленинграде мы собрались, был Шкловский, Сторицын, не помню, был ли Эдуард, но помню Эльзу Триоле, помню, с какими расширенными глазами она слушала рассказы Сторицына. Но, как часто это бывает, когда он пытался записать рассказы, все очарование, легкость, колорит, манера исчезали. Он весь был в своих рассказах. Убежден, что в некоторой степени характер его рассказов использовал Бабель, с которым он дружил. А стихи, которые писал для Сторицына Багрицкий, были для Эдуарда «прутковским жанром». У Сторицына была какая-то страстная, детская привязанность к искусству, но умел он мало, кроме, я повторю, блестящих устных рассказов.

Он был полный, некрасивый. Сторицын говорил о себе: «Я похож на свинью, которую поставили на задние ноги». А по-моему, у свиньи острые, внимательные глазки. О Сторицыне говорил мне художник Николай Кузьмин: «Петр Ильич очень острый человек».

Один из устных рассказов Сторицына о Бабеле:

Оказались в Петрограде, жили в комнате на первом этаже. Бабель одолжил деньги у какого-то знакомого своего отца (очень богатого человека) и не отдавал. Однажды он сказал Сторицыну, чтобы тот уходил и раньше определенного срока не возвращался, потому что он, Бабель, чувствует, сейчас придет его кредитор и будет скандал. Только Сторицын вышел, как появился кредитор, послышались крики, звуки падающей мебели, а затем полная тишина. Сторицын осторожно подобрался к окну и вместо, как он предполагал, хоть одного трупа, увидел, что Бабель лежит на диване, а только что бушевавший кредитор ставит ему... клизму.

Оказалось, Бабель мастерски сыграл, разжалобил кредитора – мол, бедный молодой человек, голодает, испортил желудок и так далее, один, без родителей, в чужом городе, в общем, не до возврата долга, когда даже клизму некому поставить.

Николай Иванович Харджиев не был в Одессе с 1929 года.

Запись помечена рукой А.Ю. Розенбойма – июль 1976 года.

На отдельном листике бумаги два переписанных автографа Эдуарда Багрицкого (как видно, Н. Х. ошибся, предполагая, что сохранился только один из них. – Е. Г.).

Автографы Эдуарда Багрицкого

На «Последней ночи». 1932 г.

«Этот волюм на память старому скептику Коле от автора на долгую память. Привет. Э. Багрицкий. 7.10.1932».

На «Юго-Западе».

«Николаю Ивановичу Харджиеву, другу, не изменявшему никогда. Э. Багрицкий»

Без даты.

Оба автографа – чернильным карандашом, которым почти всегда он писал. Сделать: как мало он придавал значения таким мелочам (в отличие от каллиграфически выведенных чуть ли не тушью автографов некоторых писателей).

Харджиев в Одессе не был с 1929 года.

(Очевидно, Саша собирался развить тему «Чернильного карандаша» Багрицкого в будущем... Наверное, ему было что сказать... – Е. Г.)

